

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XI ПОСПЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2013. ГЕРМЕНЕВТИКА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ – В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»

(МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, 20 – 21 ДЕКАБРЯ 2013 Г.)

В конце декабря 2013 г. на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проходили ежегодные «Поспеловские чтения». На этот раз они были посвящены проблемам герменевтики и текстологии. Вероятно, кому-то это покажется *dijā vi*: практика подобных конференций была. Однако, несмотря на тематическую узнаваемость для сотни участников (представителей российских и зарубежных вузов) одиннадцатые «чтения» стали не только конструктивными. Они обозначили готовность отечественной филологии, в частности теории, к следующей, «разумной», ступени теоретического самоосмысления, а значит, к следующему этапу на тысячелетней лестнице научного познания.

Прежде всего, за это говорила исследовательская мультидисциплинарность, кроссдисциплинарность докладов. Поэтому дифференцировать их можно лишь условно: применение интерпретационных методик/положений к классической/современной литературе; онтологические категории в аспекте герменевтики; герменевтика: традиция и обновление; литературоведческие категории/понятия в аспекте герменевтики.

Самым численным оказался первый сегмент. Самым малочисленным – последний. В последнем надо отметить¹ «Категория “текста” в герменевтическом аспекте» А.Я. Эсалнек и «Метод в литературоведении и интерпретация произведения (1910-1920 гг.)» Л.В. Чернец. В первом – остановиться на докладе Ю.В. Шевчук «”Трилистники” И. Анненского: проблема интерпретации цикла», «Текстологический и герменевтический подходы к “узлам” романа А. Солженицына “Красное Колесо”» Н.М. Щедриной и «Интерпретация романов “Степной волк” Г. Гессе, “Дар” В. Набокова и “Мастер и Маргарита” М. Булгакова с точки зрения специфики реминисцентно-аллюзийной структуры их текста» А.В. Злочевской.

Разумеется, очерчивая и заполняя круг понимания в лучших традициях новой литературной герменевтики, первые докладчики (как, впрочем, все выступавшие) соответственно учитывали рецептивную эстетику, авторское meaning, культурно-историческую традицию и историзм. Как, например, О.В. Осипова в «Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского “О Фукидиде”», Т.А. Алпатова в «”Письма русского путешествен-

¹ Подробно план конференции см. <http://www.philol.msu.ru/~tlit/annot/progko013.htm>

ника» Н.М. Карамзина: «движущийся текст» в истории русского литературоведения» или А.В. Архангельская в «Древнерусская литература: между текстологией и интерпретацией». Здесь же «Герменевтика “герметического текста”» С.М. Телегина и «Библейская экзегеза и герменевтика в подходе к анализу художественного текста» Г.В. Синило. Но, предлагая свое *significance*, первые докладчики также учитывали (порой неосознанно) сложившийся, благодаря редиистрибуции, изменению диалектики субъекта и объекта, литературный проавтобиографический гештальт пост-постмодернизма, возвращающий отдельным школам не только Автора, но и некогда отставленные внелитературные факторы. Поэтому для Н.М. Щедриной толкование заключительного варианта «Марта...» и «Апреля Семнадцатого» – возможность заглянуть в писательскую лабораторию, проследить ход авторской мысли. Структурообразующая идея первой части «Кипарисового ларца» интерпретируется Ю.В. Шевчук как история лирического самосознания европейца, где главную роль Анненский отводит ощущению, субъективной реакции на окружающий мир. Именно оно приближает «я» к познанию скрытых закономерностей бытия и определяет динамику мировосприятия европейской культуры. Внелитературные же факторы, в частности «эстетическое измерение» в антропологическом изводе, позволили А.В. Злочевской поновому увидеть «Степного волка», «Дар» и «Мастер и Маргарита», представив их мироздание как «реальность физическую – иррационально-трансцендентную – художественную»

с «метафизической вечностью» («пронизанной сетью культурно-литературных реминисцентных мотивов»).

Внелитературные факторы – категории времени и сознания – обусловили и доклады, условно отнесённые к «онтологическим категориям в аспекте герменевтики». Это, прежде всего, «Критерий временного и вечного в интерпретациях классики (на материале литературы и критики первой половины XIX века)» Н.Л. Вершининой и «Измененные состояния сознания (ИСС) как фактор интерпретации и анализа литературного произведения (на примере произведений А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского)» С.М. Шаврыгина. Последний доклад, словно подтверждая многоаспектность конференции, также вписывается в «Герменевтика: традиция и обновление».

С.М. Шаврыгин предлагает обновить понятийный ряд: ввести «изменённые состояния сознания» персонажей как особый, мало исследованный элемент поэтики, способствующий новому восприятию. Сами метаморфозы трактуются как преобразования элементов структуры художественной системы (сюжета, сознания автора и героя), происходящие объективно – «на глазах» у читателя по воле автора, и субъективно – благодаря лишь пониманию читателя. Что, кстати, снова наталкивает нас на «эстетическое измерение», точнее на *автобиографическое измерение*, без которого подобные метаморфозы/преобразования были бы невозможны. Подробнее – в моём материале «Интерпретация и автобиографическое измерение: перформативный извод антропологического поворота». Здесь, рассматривая антропологическую роль интерпретации

и автобиографического измерения в культуре, я выстраиваю модель анализа новейшей прозы, реализуемую благодаря автобиографическому измерению как новому внелитературному фактору.

Данное понятие уже в другом изводе разбирает О.А. Клинг в «Текст и его интерпретация». Приравнивая автобиографическое измерение к автобиографизму – тексту в тексте, О.А. Клинг обуславливает в творчестве Андрея Белого, связанном с Александром Блоком, пять уровней автобиографизма – пять текстов, составляющих единый «блоковский текст». Так личность поэта, их взаимоотношения, нашедшие выход в письмах Андрея Белого к Блоку – измерение первое. Цикл стихов Блоку (1901–1903), послание Блоку в 1908 г. – второе. Роман «Петербург», где под маской подпоручика Сергея Лихутина рисуется Блок, – третье. Взаимоотношения художников при жизни и после смерти Блока, отражённые в статьях, рецензиях и докладах Андрея Белого – четвёртое. Блок в воспоминаниях и мемуарной прозе Андрея Белого – пятое.

Вообще «традиция и обновление» стал наиболее креативным, значимым сегментом в «герменевтическом круге» конференции. И это правильно: одна из задач теории литературы – разработка системы функциональных определений всех явлений литературного творчества. Даже порой ценой основательного пересмотра (если не перечёркивания) традиционных взглядов и методик.

Например, И.В. Тюпа в докладе «Эвристический принцип палимпсеста в осмыслении литературного произведения» использует оригинальный

тезис Ю.В. Шатиной «палимпсест – иерархия просвечивающих друг через друга текстов», чтобы получить свою «палимпсестную словесную ткань». Такой конструкт, по его мнению, позволяет не только распознавать новое художественно значимое смысловое напряжение между диахронными слоями структурной целостности, но и исключает постмодернистскую трактовку текста как интертекстуального коллажа.

С.Ю. Лебедев в «Художественное произведение как объект анализа (литературоведение как наука) и как объект интерпретации (литературная критика)» заявляет: интерпретация произведения лишь часть его анализа, возможно, достаточная для литературно-критического материала (если судить по публикациям литпроцесса), но не литературоведческого исследования. Здесь же анализируются интерпретационные подходы, которые, пользуясь нынешней «размытостью» литературоведческих определений, претендуют на самостоятельную методологию, но к ней не относятся.

Или Е.В. Лозинская в «"Страх интерпретации": антигерменевтические подходы в зарубежном литературоведении». Ссылаясь на С. Зонтаг (интерпретация есть насилие над произведением, превращающее его в объект потребления), она анализирует причины, по которым литературоведы XXI вв. могут вообще отказаться от интерпретации текста.

Разумеется, невозможно назвать все имена, перечислить все доклады, реализовавшие «носящийся в воздухе гул конкретного» (Р. Музиль). Да это в подобных материалах и не нужно. А нужно передать атмосферу, которая,

как можно убедиться, была насыщена духом субъективизма. Поскольку субъективизм сегодня ответ в решении многовековой дилеммы истины/неистины искусства (вспомним гегелевскую антиномию), в поиске очередного кода, языка, ключа к пониманию и диалогу. Отсюда возрождение Автора (о чём говорилось вначале) и активность Читателя, в частности интерпретатора, в лучших традициях В. Дильтея, Э.Д. Хирша и Х.-Г. Гадамера. С одной стороны – «The play of words – the play of worlds»: стремление из знаковой системы текста создать, реконструировав, а не деконструировав, нечто большее,

создать новое значение, которое органично впишется в «герменевтический круг». С другой – «настройка» сознания читателя на сознание автора, «<...> сопереживание чужих форм жизни путём своего собственного жизнеощущения» (В. Дильтей). Мы наконец-то слышим «Ты», и мы стараемся ответить. И неважно, какие ключи в помощь: автобиографизм, автобиографическое измерение, изменённые состояния сознания или палимпсестная словесная ткань. Главное, чтобы они были, превращаясь в ключики от дверцы в новый чудесный мир.

Голенко Ж.